

Сергей Жоголь

**Искры в
таёжной ночи**

Сергей Жоголь

Искры в таёжной ночи

«Издательские решения»

Жоголь С.

Искры в таёжной ночи / С. Жоголь — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-852874-3

Получив задание редакции написать статью об известном сибирском охотнике и одновременно мастере по изготовлению чучел, Женька и не подозревает о том, что ему самому вскоре предстоит принять участие в весьма необычной охоте.

ISBN 978-5-44-852874-3

© Жоголь С.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	10
Глава первая	10
Глава вторая	14
Глава третья	21
Микитэ	26
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	30
Глава первая	30
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Искры в таёжной ночи

Сергей Жоголь

Иллюстратор Сергей Жоголь

© Сергей Жоголь, 2017

© Сергей Жоголь, иллюстрации, 2017

ISBN 978-5-4485-2874-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

*Она сейчас горит еще ясней,
Попутчик мой для вас ее зажжёт,
Пусть ваши взгляды сходятся, на ней,
На перекрестках двух земных дорог.
Я верю вам, вы смотрите сейчас,
Пока звезда горит, – он будет жить,
Пока с нее не сводите вы глаз,
Ее никто не смеет погасить.
Где юность наша? Где забытый дом?
Где вы, чужая, нежная? Когда,
Чтоб мертвых вспомнить, за одним столом
Живых сведет Полярная звезда?*

«Полярная звезда», К.М. Симонов

Пролог

Несмотря на резкий рывок, первый зверь не ослабил хватки. Поджал задние лапы, съёжился. Нужно остерегаться крепких и острых копыт. Шерсть на затылке вздыбилась, жёлто-серые глаза сияют яростным блеском. Будущая добыча не слюнявый телок с дрожащими ножками: крупный самец-трёхлеток с толстыми рогами и мощной грудью. Такого так просто не свалить. Зубы хищника подёрнулись красным, челюсти напряжены. Он целил в шею, но жертва сумела увернуться, и клыки сомкнулись чуть ниже – где-то между лопаткой и плечом. Но это ничего. Теперь главное удержаться, и помощь придёт. Второй хищник уже изготовился для решающего прыжка.

Этот не похож на первого. Тот молодой и крупный, а этот...

Матёрый старик с рваным ухом и полинявшими впалыми боками; поджарый и худой. Он уже нанёс свой первый удар – полоснул оленя клыками и теперь, сжавшись точно пружина, приготовился к очередному броску.

Тёплая кровь приятно щекочет язык, смешивается с потом и слюной, подавая сигнал прямо в мозг: «Прыгай и убей! Убей же скорее! Убей!»

Но старый охотник не привык поддаваться одним лишь инстинктам и полагаться только на ярость и силу. Он действует хладнокровно, продумывает каждый шаг. Выжидает, выцеливает.

Жертва испуганно озирается. Рот приоткрыт, из рваной раны на боку бьёт алая струя. Олень косит испуганным взглядом, не зная, что предпринять: попытаться сбросить с себя того, который висит на боку, или сначала увернуться от второго.

Тот опаснее. Как же жутко светятся его глаза!

С каждым шагом бежать становится всё трудней, силы покидают оленя, но медлить нельзя, ведь малейшее промедление – смерть!

Последний рывок, последняя попытка спастись...

– О, Боже! Сколько драматизма. Замечательная работа. Вы настоящий волшебник. Очень!.. очень убедительно! – светловолосый прикоснулся к оленю, погладил по спине, потом постучал одного из волков по голове. – А что у них внутри? Папье-маше? Пенопласт?

В мастерской пахло карболкой и палёной кожей. Мастер, худой седовласый мужчина в заношенном свитере и выцветших джинсах, сидел на табурете и обстругивал маленьким фигурным резцом бесформенную дубовую корягу. Рядом, на столе, лежали обрезки шкур, ванночка с соляным раствором и гипсовый слепок лисьей головы. Тут же, прямо на полу, валялся потёртый деревянный костыль.

– Сейчас все делают каркасы из полиуретана, но я предпочитаю работать по старинке – с натуральным материалом. Кстати, череп этого волка настоящий. Зубы, естественно, тоже.

– Настоящий череп. Настоящие клыки. И насколько всё это долговечно?

Мастер беззвучно рассмеялся:

– Уж поверьте, эти волки, как и этот олень, ещё нас с вами переживут. У меня свои секреты. Хотя работать с натуральными материалами довольно сложно. Сложно, но интересно. Плюс – это требует больших временных затрат. Хотя мне это даже нравится. Меня это заводит.

– Вы сами добыли эти шкуры? Я слышал, что вы неплохой охотник.

– Я был им, но всё хорошее когда-то кончается.

Мастер положил свою корягу на стол, поднял с пола костыль и, опираясь на него, подошёл к столу. Он потянул за ручку выдвижного ящика, достал какую-то папку и долго рассматривал лежащие в ней фотографии. Потом бросил их в стол и продолжил:

– Всё должно быть достоверно. Даже коряги должны выглядеть естественно, как часть живой природы. Ну, вы понимаете.

Светловолосый нахмурился:

– Вы не ответили на мой вопрос.

– Про шкуры? Нет. Я больше не хожу в тайгу. Был – охотник, теперь – калека.

– Неудачный случай на охоте? Схватка с хищником?

– Неудачно упал.

– На охоте всякое бывает, особенно после трёх-четырёх стаканов, – хохотнул второй гость – здоровяк в камуфляже и высоких сапогах.

Мастер нахмурил брови и отвернулся, его рот превратился в узкую полоску. Костяшки, сжимавшие костыль, побелели.

– Водка и впрямь многих сгубила. Те, кто не знает меры, здесь долго не живут. Большинство местных народов вообще алкоголь не употребляет. Здесь тайга – особые условия, особый закон. Тайга ошибок не прощает.

– Были мы в вашей тайге, знаем. И местных ваших знаем – пьют и ещё как пьют.

– Неправда это.

Здоровяк махнул рукой.

– Хватит меня лечить, вы ж не доктор. Говорю, без бухла везде тоскливо, а вот после стакана... хоть на кабана, хоть на лося... да хоть на чёрта лысого...

– Вам доводилось ходить на сохатого?.. Нет?.. Может быть на медведя?

Скулы здоровяка напряглись, он бросил мимолётный взгляд на светловолосого и прорычал:

– Не ходил! И что с того! Я, зато, в таких переделках побывал... Да тебе такое и не снилось. Я, мать твою, я может быть... Да мне только скажи, я хоть на кабана, хоть на бизона.

– Простите моего человека. Он у нас чересчур горяч. Он не хотел вас обидеть, – светловолосый строго посмотрел на своего приятеля, тот отвернулся.

Мастер положил костыль и, обвёл комнату взглядом.

– Понимаю. Так вот, когда завязал с промыслом, пришлось искать новую работу. Теперь добываю пропитание изготовлением вот этих зверюшек.

Светловолосый закивал.

– И в этом преуспели! Однако я так же слышал, что вы берётесь не за всякую работу.

– Я, скорее, художник, чем ремесленник. Поэтому занимаюсь лишь тем, что мне нравится, и дело имею!.. лишь с теми, кто мне по душе.

Мастер хмуро посмотрел на здоровяка, но тот, похоже, уже утратил интерес к разговору. Он рассматривал висевшую на стене оскаленную кабанью голову. Рядом с кабаном располагались чучела тетеревов, рябчиков, раскинувших крылья сов; в углу, на небольшом помосте притаилась лисица с повисшим селезнем в зубах. Но гостя, видимо, мало привлекали птицы и лиса. А вот кабаньи клыки, определённо, вызвали у здоровяка неописуемый восторг.

Когда эти двое заявили к нему, на ночь глядя, представились охотниками из Москвы, он не сразу сумел разглядеть их при свете фонаря. Позже, когда гости вошли в дом, он сразу понял, что это любители.

Светловолосый был одет в светло-коричневый комбинезон от JahtiJakt¹, носил дорогие часы, его ногти явно обрабатывали в каком-нибудь престижном салоне. Пахло от гостя дорогим парфюмом. Мастер даже поморщился. Такого охотника зверь за версту учует. Здоровяк казался менее нахохленным, но и он вовсе не походил на бывшего охотника – скорее на спортсмена-борца. Мастер усмехнулся, забавная парочка, но ему приходилось общаться со всякой публикой. Пришли поглазеть на чучела или хотят сделать заказ?

¹ JahtiJakt – финский бренд, является одним из самых популярных производителей одежды для охоты и рыбалки.

Светловолосый отошёл от композиции с волками и уставился на грызших тоненькую осинку бобров. Наклонился, щёлкнул одного из мохнатых грызунов по носу.

– Словно только что вылезли из воды.

– Это особый лак, ну... и ещё кое-что. Говорю же, у меня свои секреты.

– Не зря мои друзья советовали мне обратиться именно к вам.

– Хотите сказать, что слава о моих зверушках дошла до самой столицы?

– Вот именно. Алексей, скажи, – светловолосый посмотрел на своего спутника.

Тот что-то буркнул, не отводя взгляда от кабана.

– По-моему вы преувеличиваете, – мастер отложил свою корягу и улыбнулся.

– Ничего подобного. Вас называют одним из лучших чучельников этих мест. В Москве конечно много ваших коллег, но мне сказали, что вы не уступите ни одному из них.

Мастер ухмыльнулся:

– Сейчас развелось много самозванцев, которые лишь считают себя мастерами. Они делают штамповки и обирают людей. Я знаю, в Москве есть лишь парочка настоящих умельцев, с которыми стоит иметь дело – остальные мошенники.

– Совершенно с вами согласен. Я тоже не терплю мошенников, поэтому я здесь. Я очень рад, что встретил настоящего мастера. Ваши работы – настоящие произведения искусства.

Мастер беззвучно рассмеялся:

– Да. Мои работы кое-чего стоят. А всё потому, что я привык работать на совесть.

Не терплю халтуры...

– Кстати о халтуре, – перебил гость. – Думаю, вы уже догадались для чего мы здесь. Алексей! Оставь в покое эту чёртову свинью!

Здоровяк вздрогнул, тут же позабыл про кабана, подхватил мешок, который всё это время лежал у его ног и подошёл к стоявшему в углу деревянному настилу.

– Сюда что ли?

– Доставай, – распорядился светловолосый.

Здоровяк вывалил из мешка косматую тушу.

– Это первый зверь, которого мне удалось добыть, – похвастался светловолосый. – Он огромен, но думаю, вам попадались и побольше. Я решил, что этот зверь станет первым экспонатом моей коллекции, и чучело из него должен изготовить лучший мастер из всех, кого я знаю.

Мастер, опираясь на костыль, подошёл к помосту, достал из кармана очки в толстой простенькой оправе и водрузил на нос. Брови мужчины сдвинулись, на лбу выступили морщины. Светловолосый подошёл к помосту.

– Что-то не так?

– Он огромный, ни разу таких не видел. Когда вы его убили?

– Скажем так – на днях. Мы не стали его потрошить. Предпочли, чтобы это сделал профессионал.

Мастер склонился над зверем, раздвинул пасть, надавил пальцем на зубы. Понюхал и сморщился.

– Что такое? От него воняет? Неужели мы его испортили? – встревожился светловолосый.

– Запах, напротив, слишком слабый.

– Разве это плохо?

– Где вы убили его?

– В лесу! Где же ещё? – вмешался здоровяк. – Надеюсь, ты не станешь проверять у нас лицензию? Ты же не егерь?

– Я не егерь. Хотя если лицензии нет, у меня могут возникнуть проблемы.

Глаза светловолосого сузились:

– Если такое случится, я всё оплачу, – он вынул из кармана бумажник набитый купюрами и процедил: – Мне нужно, чтобы из этой твари сделали чучело! Причём самое лучшее чучело, чёрт меня подери! Сколько вы хотите за работу?

Мастер потёр подбородок, снял очки и принялся их тереть краешком свитера.

– Не думайте, что я собираюсь на вас нажать...

– Говорите сколько?

– Если я возьмусь за работу... Это будет стоить... Двести пятьдесят долларов, с учётом того, что я рискую.

– Даю триста, если сделаете за три дня.

– Но, нет. Это вам не белка и не утка. Вы же не хотите, чтобы ваш первый трофей в течение полугода сожрала моль. Если шкуру как следует не просушить...

– Когда я получу свой заказ?

– Моя цена двести пятьдесят и к следующей субботе я сделаю то, что вы просите.

– По рукам, – светловолосый хлопнул в ладоши.

Мастер снова склонился над зверем, его собеседник напрягся:

– Ну что ещё?

Мастер погладил убитого зверя, подёргал за ворс. Догадка пришла внезапно. Этого не может быть.

– Похоже что... а ведь точно, и шерсть слишком мягкая.

– Что? Что там опять?

– В нём не меньше двадцати кило.

– Это точно, – снова вмешался здоровяк. – У меня аж спина затекла, пока его до машины нёс – огромный зверюга.

Мастер снова потёр подбородок, рассуждая вслух:

– мех светлее обычного, зубы без желтизны. Когти не сточены и без трещин, стопы не огрубевшие, да и на теле нет ни одного шрама...

– Хватит мне голову морочить, – не выдержал светловолосый. – Стопы ему не нравятся, зубы. Что же плохого в том, что шрамов нет. Значит шкура не лопнет, когда сдирать будешь.

– Шкура-то не лопнет. Не в этом дело. Я просто понять не могу, как же он при всём при этом, такой вес набрал. Вот гляньте, – мастер приподнял зверя за хвост. – Анальные железы совсем не развиты.

– И что?

– Взрослые самцы всегда метят территорию, а этот не метил. Когти и зубы в идеальном состоянии, значит, он ни разу не дрался за самку. Похоже, он даже не охотился, а ведь это хищник.

– Как же он так отъелся? – хмыкнул здоровяк. – Гнёзда разорял? Ягодки, грибочки? А может он падаль жрал?

– Не падалью он питался.

– А чем?

Мастер убрал очки в карман и покачал головой.

– Молоком! Он питался молоком.

– Молоком? Каким ещё молоком?

– Материнским молоком. Судя по всему, отроду ему – не больше пяти недель. Вы хоть понимаете, что убили детёныша?

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Белобрысая в сером

Глава первая

в которой Женька испытывает одно разочарование за другим

Верхний свет вспыхнул.

– Сда-а-аём! Сда-а-аём бельё! Станция через тридцать минут!

Женька продрал глаза, приподнялся на локтях и, увидев проводницу в очках с массивной оправой, заставил себя улыбнуться.

– Мне бы билетик... Мой билетик.

Обладательница ужасных очков, проигнорировав на Женькину улыбку, махнула рукой, что-то буркнула и потопала в конец вагона.

– С-а-абираем бельё! В Холмогорске стоим пять минут!

Женька посмотрел вслед уходящей женщине. Под девяносто кило, бесформенная причёска, напоминающая стог сена после торнадо, рубашка, которую назвать белой можно было бы лишь после полуторачасовой стирки с белизной, и, готовая вот-вот треснуть по швам, юбка выше колен. Женька подавил спазм и сразу вспомнил свою последнюю командировку от «Диметры Плюс». Тогда он летел самолётом, в Прагу.

Женька прикрыл глаза и тут же перед ним появилась та длинноногая стюардесса в узкой форменной юбке и с губками как у Анжелины Джоли. Она встречала пассажиров, поднимающихся по трапу. Что же тогда он испытал? Спазм сдавил горло – строгая форма иногда делает женщину даже более сексуальной, чем самое прозрачное нижнее бельё. По одобрительному взгляду милашки было понятно, что она тоже обратила внимание на едущего первым классом пассажира, на его сшитый на заказ костюм, галстук и часы с позолоченным корпусом. Да-да, тогда он мог себе такое позволить. Вручая билет, Женька одарил стюардессу лёгкой улыбкой и получил такую же в ответ. По окончании полёта он уже имел в кармане согнутый пополам листок всего лишь с четырьмя буквами «РИТА» и десятью буквами означающими номер телефона. А ведь он ей так и не позвонил... Не позвонил, потому что в тот же день, а точнее в тот же вечер, он познакомился с Кристиной!

Раздался грохот, Женька вздрогнул и открыл глаза. Кто-то уронил оставленные на столике бутылки. Проводница разразилась гневной тирадой. Матерных слов не прозвучало, но выражения «толстые задницы» и «раскорячились тут, не пройти, не проехать» вызвали у Женьки гримасу. Кто бы говорил про толстые задницы? Он встал, сунул ноги в поношенные сланцы и выглянул в проход. Полупустой вагон оживал: люди, кряхтя и охая, поднимались, трясли пыльными простынями, запихивали одеяла на третьи полки; у туалета образовалась очередь.

– Не задерживаемся! Шевелимся! Шевелимся! – продолжала реветь проводница. – Через десять минут закрываемся на санзону.

– Опять санзона! Да сколько ж можно? – возмутился бородач в вытянутой майке и сиреневых шортах. Он лежал на боковой полке у туалета и ковырял пальцем в зубах.

Проводница «ощетинилась»:

– Будешь умничать, закрою туалет прямо сейчас. А ну!.. убери сумки с прохода. Не один едешь!

Бородач стиснул зубы, толкнул выступивший из-под полки рюкзак, повернулся лицом к окну, натягивая на голову одеяло. Видимо он не собирался сходить в Холмогорске.

Женька провёл рукой по подбородку, схватил пакет с зубной щёткой и бритвенным станком и обречённо поплёлся в конец очереди. Отстояв в тамбуре не меньше десяти минут, он наконец-то пробился в пахнущую тухлой водой и дешёвым освежителем комнатку с металлическим унитазом и мокрым полом. Скорчив рожицу, застыл перед зеркалом. Опухшее лицо, трёхдневная щетина, красные глаза – нужно срочно приводить себя в порядок.

Омыв ледяной водой лицо, побрившись и вычистив зубы, Женька почувствовал себя гораздо лучше. Когда вернулся на место, аккуратно сложил бельё и прошёл в купе проводников.

– Я просил билет, – Женька кинул бельё в общую кучу. Проводница, вынула кожаную папку с кармашками, порылась в ней и достала помятую бумажку. Женщина расправила билет, поднесла к глазам и, сощурившись, произнесла:

– Кажется твой. Ну да, тринадцатое место, Москва – Холмогорск, Е. Вяземский. На!

Мой – чей же ещё? Место хоть и ниже, но – тринадцатое!.. Даже тут ему не повезло! Впрочем, ему не везло все последние полгода.

– Спасибо, – Женька взял протянутый билет, зачесал волосы назад.

– Что трещит головушка? Приятели твои ночью вышли, еле выставила; последний на ходу спрыгнул. Целый пакет мусора после вас собрала, потом полночи полы в туалете драила. Засранцы. Если что – есть «Жигулёвское»...

Ах, вон оно что. Да сколько ж можно? На третий день пути в купе к Женьке подсели трое дембелей. Эти парни в течение всего пути пьянствовали, орали, мешая всем спать. Однако грозная проводница на этот раз была лояльна к дебоширам. Женька уж было подумал, что у этой толстой тётки служит сын, а тут... Получается – барышня бухлом приторговывает.

– Не нужно мне вашего пива. Я вообще не пью, – тихо проговорил Женька.

– Чего?

– Эти солдатики пили, а я просто с ними сидел.

– Брось заливать: не пил он. Ты это знаешь, кому скажешь?

– Кому? – продолжал Женька.

Отвечать вопросом на вопрос – это значит не чувствовать себя тем, кто оправдывается.

– Знаешь что!.. – щёки тётки надулись.

– Я вчера не пил и сегодня не собираюсь. Если не верите, могу дыхнуть. Хотите?

Женька склонился к самому лицу нагловатой тётки и резко выдохнул дешёвеньким кедровым «Блендометом».

– Иди ты, я тебе что – гаишник? – отмахнулась проводница.

– Согласен на проведение освидетельствования, поскольку вот уже полгода ни-ни.

– Ладно уж, топай. Чего с тебя взять? Ишь, умный какой.

Женька с видом римского триумфатора покинул купе проводников.

Шесть дней постоянной лёжки на жёстком матрасе не прошли просто так: спина болела; ноги затекли; а голова, несмотря на то, что все попытки соседей привлечь Женьку к пьянке не увенчались успехом, всё равно гудела точно церковный колокол. Женька сложил в сумку коробку с чаем и сахар, завернул в полиэтилен остатки колбасы, оделся, сел и уставился в окно. Перед глазами мелькали ровные ряды раскидистых сосен и елей. Если они уже подъезжают, почему же этот лес никак не кончается?

Идея Свиридова, поручить ему сбор материала для статьи о легендарном сибирском охотнике, с первых же минут привела Женьку в шок.

– Не морщись Вяземский, собирайся и поезжай. Я созвонился с объектом и выяснил как туда добраться, – вещал Дмитрий Григорьевич, сидя в кресле и вращая двумя пальцами дешёвенькую ручку, – вот тебе несколько телефонов.

Свиридов бросил на край стола вырванный из ежедневника листок с мелкими каракулями. Главный редактор «Столичного Вестника» всегда писал мелко.

– Что это? Петряевка? Урденский район? И где же находится сие райское местечко? – полюбопытствовал Женька.

– Красноярский край.

Женька аж присвистнул.

– Не свисти, денег не будет, – Свиридов поднялся, подошёл к Женьке и похлопал по плечу. – Сибирь это, дружок! Самая настоящая Сибирь!

– Всю жизнь мечтал там побывать. Вот уж повезло – так повезло.

Женька убрал листок в карман.

– Там один из телефонов стационарный. Телефон районного центра. Если что ищи его через администрацию района. Они нас знают, мы о них в своей газете уже писали...

– А не знаете, туда прямые рейсы есть, или придётся с пересадкой?

– Про рейсы забудь. У издательства, сам знаешь... финансовые трудности, – Свиридов развёл руками. – Так что придётся тебе, дружок, в поезде потрястись. И не просто в поезде, а в самом что ни на есть плацкартном вагоне.

Свиридов одарил Женьку улыбкой, от которой, как тому показалось, у редактора едва не свело челюсть.

– Чего уж не в общем?

– Так не ходят туда поезда с сидячими вагонами. А то бы я... Да ты поверь, тебе и этого хватит. Шутка ли – семь суток пути. И не думай, что сможешь откосить, как в прошлый раз. Про простуду, больную тётю, или ещё что-нибудь можешь мне больше не рассказывать. Поездка эта согласована, – Свиридов поднял вверх указательный палец и сделал им несколько круговых движений. – Сам знаешь с кем. Скажешь, что заболел, я сразу звоночек сделаю... Мы же с тобой друг друга понимаем.

Женька стиснул зубы.

Кабинет главного редактора он покидал в прескверном расположении духа. Женька вышел во двор и вынул лежавший в кармане листок. Давая сотрудникам поручения, Свиридов всегда дублировал их на бумаге. Причём сотрудникам он выдавал копии заданий, а оригиналы подшивал в отдельное дело, которое хранил в запирающемся сейфе. Как пояснил один из более опытных Женькиных коллег, делал это главный редактор «Столичного Вестника» для того, чтобы потом ему не говорили, что кто-то его не так понял. Учитывая взаимоотношения в этой шарашкиной конторе, Свиридов предпочитал делать всё основательно, чтобы не подставили. На листке, помимо контактов (адреса и нескольких телефонных номеров) было изложено задание и сведения об объекте.

«Матвей Иванович Лучинин – в прошлом известный охотник-промысловик. После полученной травмы забросил охотничий промысел и занимается изготовлением чучел животных. На данном поприще добился поразительных успехов.

Задача: сделать снимки лучших экспонатов личной коллекции Лучинина, собрать информацию об изготовлении чучел и интересные эпизоды из жизни бывшего охотника»...

Поезд тряхнуло, сцепка вагона лязгнула глухим дребезжащим звуком, и деревья под окном стали мелькать все реже и реже. Через пару минут состав остановился. Десяток пассажиров хлынули к выходу.

С сумкой на плече, большее место которой занимала фотоаппаратура, подхватив ноутбук, Женька соскочил на перрон и двинулся к вокзалу. Хотя то, что он увидел, мало напоминало вокзалы, к которым он привык. Скучный свет фонаря освещал одноэтажное здание с массивными деревянными дверьми. Несколько лавочек, стоящих вдоль путей, пустовали. Единственная урна на перроне была переполнена.

Войдя в здание вокзала, вслед за остальными пассажирами, Женька увидел два ряда пустующих лавочек, за окошком одиноко дремала пожилая кассирша. Пахло сигаретным дымом и пролитым пивом. На одной из лавок свернулась клубком облезлая кошка с прищуренным глазом и обрубленным хвостом. Пройдя сквозь вокзал, вся толпа двинулась ко второму выходу. Женька, не задумываясь, шагал следом. Прямо за вокзалом, на оборудованной навесом площадке стоял старенький автобус. Все ломанули именно к нему.

Помимо тех, кто ехал с Женькой в одном вагоне, из поезда вышли ещё человек шесть, так что автобус заполнился лишь наполовину. Женька оказался в хвосте автобуса, забился в самый дальний угол. Пожилой водитель в потёртом пиджаке и засаленной кепке прошёлся вдоль кресел. Когда он поравнялся с Женькой, сонно спросил:

– Тебе до куда, парень?

– До Кузьминкинского съезда. Сколько с меня?

– Семьдесят три рубля.

Женька протянул сотню, зевнул.

– А долго ехать? Подскажите когда выходить? Я тут первый раз.

Водитель отсчитал сдачу и усмехнулся:

– Да понял я. Я тут всех знаю, чужака сразу признаю. Только в Петряевку все чужие в основном на охоту едут, а ты на охотника не похож.

– Журналист я. Буду об одном местном статью писать.

Водитель крякнул.

– Вон чё, ну-ну. А до Кузьминкинского съезда три часа ехать, так что выспаться успеешь, а там... Видишь вон ту белобрысую? Это Сонька, она, враз, до Петряевки едет. На неё и ориентируйся.

Женька вытянул шею, глянул на худощавую девицу в сером плаще. Симпатичная, но уж больно неброская; бледненькая, не накрашенная, да и одета... Одним словом, не его формат. Женька кивнул водителю, закрыл глаза и вскоре погрузился в глубокий безмятежный сон.

Глава вторая

в которой Женька одной случайно оброненной фразой спровоцирует скандал, а потом будет вынужден совершить довольно продолжительную пешую прогулку

Он проспал не более получаса. Разбудил запах дыма в салоне. Женька протёр глаза и огляделся. Большая часть пассажиров вышла на предыдущих остановках. Автобус же медленно полз по ухабистой дороге, по обеим сторонам которой раскинулись всё те же хвойные леса. Женька привстал и сразу понял, что разбудивший его дым идёт из кабины.

Видя, что никто из пассажиров не возмущается, Женька тоже решил промолчать. Он достал носовой платок и приложил к лицу. От запаха дыма кружилась голова, а ведь он сидел в самом хвосте.

Сколько он уже держится? Через три дня уже пять месяцев. Подумать только – целых пять месяцев!

Первые три дня были самыми ужасными. Грудь драло так, словно в ней поселилась дюжина разъярённых кошек. Потом боль в груди поутихла и появилась сильнейшая сухость во рту. Особенно было тяжело присутствие рядом курящего. Если где-нибудь, на остановке, на лавочке в парке или, что самое страшное, в закрытом помещении, кто-то доставал пачку и щёлкал зажигалкой, Женька всегда, по возможности отходил подальше. Решение бросить пить и курить одновременно, безусловно, отразилось на Женькином состоянии, но отсутствие алкоголя на фоне недостатка в организме никотина выглядело сущей безделицей. Курить хотелось постоянно: дома, на работе, в метро. Ведь с недавних пор он ездил на работу только на общественном транспорте. Это было вынужденной мерой не только из-за того, что он лишился своего «Икса», теперь он работал на самой окраине, а ездить в такую даль на машине... Особенно трудно было по ночам. Порой он вставал, шёл на кухню, доставал спасительные семечки... О, боже, он раньше никогда не грыз семечек. Налузгав целую гору шелухи, он кидал в рот пару леденцов и ложился спать. Принимая решение, Женька сразу решил не пользоваться никакими модными примочками типа электронных сигарет, антиникотинового пластыря или же разных там «Табексов»². Он держался... Держался как мог, словно наказывая себя за свой необдуманный поступок, ставший причиной принятому накануне решению.

Женька отогнал воспоминания и поискал глазами девицу в сером. Увидев, что попутчица мирно дремлет на своём месте, спокойно откинулся на спинку кресла. Но заснуть, не получилось. Неудобное кресло, с неудобной спинкой. Из форточки тянуло холодом. Теперь его раздражало буквально всё. Женька тихо выругался, расстегнул сумку с ноутбуком и нажал на кнопку. Прибор включился.

После загрузки первым делом проверил батарею. Пока Женька трясся в вагоне, он включал ноутбук через день и то ненадолго. Зарядки оставалось не больше чем на пять-семь минут. Интернет, к счастью, тоже работал. Женька открыл почту и увидел несколько новых сообщений. Пять из них были от Светки. О, Боже! Когда же она успокоится? Эти письма он удалил не читая. Два сообщения в папке «спам», тоже были мгновенно удалены. Три оставшихся сообщения были от Свиридова. Первое было датировано вторником:

«Предвижу осложнения. Наш объект второй день не выходит на связь, хотя был уговор созвониться. Д.С.»

² Табекс – антиникотиновые таблетки.

У Женьки перехватило дух. На тебе. Лучинин должен был встретить гостя из Москвы на остановке у Кузьминкинского съезда. Если тот не явится... Женька тут же открыл второе сообщение:

«Лучинин по-прежнему не отвечается. Попробую связаться с администрацией района. Д.С.»

Женька заскрежетал зубами. Подумать только, теперь Дмитрий Григорьевич о нём заботиться. Опомнился начальник. Очень вовремя. Через несколько часов ему выходить. И куда же он пойдёт? Ночь. Кругом дебри. Тайга. К тому же, судя по завываниям ветра и мрачному небу, на улице вот-вот хлынет дождь.

Женька подавил и открыл последнее письмо:

«В администрации информации о Лучинине нет. Если Лучинин не явится на встречу, попробуй разыскать объект самостоятельно. Я верю в тебя. Дерзай!»

Вот урод, еще и смайлик поставил. Женька впопыхах стал набирать ответ, но тут экран погас. Проклятая батарея «сдохла» в самый неподходящий момент. Женька схватился за телефон, тот тоже показывал отсутствие сети. Дикое желание захлопнуть ноутбук и треснуть им обо что-нибудь твёрдое, Женька подавил, но громко застонал и выругался, на этот раз уже вслух. Он редко ругался матом, но тут...

– Эй, парень! Чего орёшь-то? – раздалось из кабины.

Какого... Женька не удержался.

– Вы бы за собой последили. Надымили тут – дышать нечем! Тем более что в автобусе дети едут.

Водитель слегка опешил.

– Да кому ж я помешал-то? – он принюхался. – Вроде и не пахнет.

– Где же не пахнет? Я сзади сижу, и то весь провонял от вашей махорки. Представляю, что спереди твориться.

Водитель снял кепку, вытер вспотевшую лысину и вопросительно уставился на маленькую пухленькую женщину. Та держала на коленях чернявого мальчика лет четырёх. Рядом на сидении посапывал мальчик постарше.

– Да если я буду каждый раз останавливаться, мы до района только к утру доберёмся, – продолжал оправдываться водитель. – Нет, если скажите, конечно...

Женщина махнула рукой и прошептала:

– Да ладно тебе, Василич. Куришь – кури. Мои мальчишки привычные. Папка наш не меньше твоего дымит. Потерпим. Не орите только, а то ребёнка разбудите.

Водитель обернулся и метнул злой взгляд Женьку. Тот стиснул зубы и отвернулся, но тут сидящий на коленях тётки мальчик, картавя, пропищал:

– Головка болит. Пусть дядя не кулит.

Второй мальчик, такой же тёмненький и вихрастый, приподнялся на локтях, ткнул младшего брата в бок и проворчал:

– Пусть курит, не хочу до утра в этой колымаге трястись. У тебя вечно что-нибудь болит – не голова так задница.

Несколько пассажиров, сидящих рядом, рассмеялись.

– Это что ещё такое? Ты где таких слов набрался? – заорала на старшего возмущённая мамаша. – Это Петька Сидорин тебя такому научил?

– Ничему он меня не учил!

– Как же не учил? Он это – больше некому!

– Вали всё на Петьку. На кого же ещё. Можно подумать папка плохих слов не говорит...

– Не смей на отца наговаривать! – во весь голос заорала мамаша и ответила старшему подзатыльник.

– Не отец он мне вовсе! Мой папка в тайге сгинул! – заорал мальчик во всё горло.

В этот момент младший ребёнок выгнулся и ударил старшего ногой. Тот пнул в ответ, но мамаша успела развернуться и прикрыть младшего собой. Носок поношенного ботинка угодил женщине прямо в колено, та заорала:

– Ты чего творишь, засранец? Ты же мне колготки порвал!

К этому моменту проснулись все. Кто-то возмутился и охал, многие смеялись.

В этот момент автобус тряхнуло.

– О чёрт! – заорал водитель.

Автобус занесло. Перепуганный Василич вцепился в руль и выжал до упора тормоза. Автобус снова дёрнулся, подпрыгнул на ухабе и, скатившись по склону, застрял в придорожной грязи.

– Василич! Чучело безрукое! Ты на дорогу смотри! Чуть не угробил нас...

Разгорячённая мать маленьких драчунов, позабыв про колготки, уже прижимала обоих сынишек к груди.

– А я-то тут причём? – орал перепуганный Василич и ткнул в Женьку пальцем. – Это всё он. Он бузу начал.

Женька втянул голову в плечи.

– Похоже, надолго застряли, – проворчал сухощавый мужик в рыбацких сапогах.

Он громче всех хохотал, когда между мальчиками началась драка. Ещё один пассажир, который сидел прямо за водителем, встал и выглянул в окно.

– Ну ты и балда, как же так... на ровном-то месте? А ты, сопляк, – мужчина повернулся к Женьке – ещё раз рот откроешь, я тебе в него твои зубы вобью.

– Конечно! Давайте все на меня валить! – возмутился Женька и тут же об этом пожалел. Мужик развернулся и в четыре шага одолел узкий проход. Он схватил Женьку за грудки и так рванул на себя, что куртка затрещала.

– Чего ты тут пищишь, гадёныш? А ну, вылазь! Сейчас будешь один автобус толкать!

Довольно рослый, с квадратным колючим подбородком. Кисти рук мужчины пестрили от огромного количества наколок, среди которых Женька выделил оскаленную волчью пасть. На вид мужику было за пятьдесят, от него пахло дешёвым куревом. Женька сжал кулаки, но при этом почувствовал, как внутри у него похолодело. Этого ещё не хватало. Они тут, похоже, все повязаны – друг за друга горой.

– Отстань от него Егор Петрович. Он-то тут при чём?

Женька и насевший на него пассажир оглянулись. Девушка в плаще, та самая, что ехала до Кузьминкинского съезда, без страха смотрела на Женькиного визави.

– Сонька? Ты? – мужик тут же отпустил ворот. – Вот кого я рад видеть. Откуда? Какими судьбами?

Женька вздохнул с облегчением.

– Да вот, решила батю навестить, – девушка встала и подошла. – Ты ж ему, Егор Петрович, куртку порвал. Куртка-то дорогая.

– Да ладно тебе. Не будет в следующий раз вякать. Ты что же, тоже с поезда? – Мужик обхватил девушку за плечи и, проведя по проходу, усадил на прежнее место. – Сонька, глазам своим не верю. Вымахала-то как.

Мужик тут же позабыл про перепуганного Женьку, подошёл к девушке и опустился на соседнее кресло. Теперь эти двое разговаривали вполголоса, Женька их не слышал. Он опустился в кресло и выглянул в окно. Сердце всё ещё бешено стучало.

Василич и ещё двое пассажиров рубили ветки и подсовывали их под колёса. Дождь всё ещё накапывал. Мать распалившихся детишек, пригнувшись что-то мирно нащёптывала старшему, младший уже крепко спал.

Женька размышлял: ну и народец здесь, то молчат как сычи, то орут и дерутся. Вовремя эта девица вмешалась, хоть тут повезло. Надо быть аккуратней.

Вскоре Василич и двое его помощников влезли в автобус. Василич вцепился в руль.

– Ну, милай. Не подведи.

Мотор взревел. Автобус дёрнулся и... потихоньку стал вылезать на дорогу.

Следующую часть пути ехали молча. Женька смотрел в окно, наблюдая за тем, как капли дождя всё сильнее и сильнее барабанят в окно. Он нервно щёлкал пальцами и изредка он поглядывал на свою светловолосую заступницу и её сурового спутника.

Когда автобус снова остановился, девица в плаще, попросившись со своим знакомым, вышла из автобуса. Женька схватил свои вещи и двинулся следом. Недавний оппонент тут же преградил ему путь.

– А ну, стоять! А ты куда?

– Выхожу я здесь, – выкрикнул Женька и тут же поджал губы.

– Дядя Егор... – крикнула с улицы девушка.

– Да как же так-то? Ночь. Дождь хлещет. То Петряевки топать и топать. А тут этот. Как же я тебя с ним одну оставлю, посреди леса?

– Дорогу я знаю, плащ у меня с капюшоном, да и парень этот меня не обидит. Ты же знаешь, я за себя постоять и сама могу.

Мужик пожал плечами и отступил. Женька прошёл мимо и спрыгнул со ступеньки.

– Ты, парень, смотри. Я тебя запомнил. Если что...

Двери автобуса захлопнулись, и Женька остался наедине со своей попутчицей.

Остановка, как и всё, что попадалось ему на пути, на протяжении последних дней, выглядела убого. Он добежал до поржавевшего навеса с табличкой «Кузьминкинский съезд», бросил вещи на лавку. Сквозь щели в потрескавшемся шифере стекала вода. Женька выбрал место посуше и стал рыться в сумке. Отыскал толстый фиолетовый свитер и, скинув куртку, натянул его на себя.

– У вас что же, даже зонта нет?

Попутчица подошла, уселась на лавку и достала из брезентовой сумки резиновые сапоги. По худому лицу стекали крупные капли, волосы растрепались. Женька натянул куртку, застегнул на все пуговицы и поднял воротник.

– Не сахарный – не растаю, – буркнул Женька и огляделся.

– Значит вы к нам Петряевку?

– Откуда такая проницательность?

– Догадаться нетрудно. Здесь на тридцать вёрст это единственный обитаемый уголок. Вы хоть дорогу-то знаете?

– Меня встретят.

Женька снова стал озираться. Никого.

Разумеется Свиридов не ошибся. Этот чучельник похоже запил, раз на встречу не явился. Надо было в Урден ехать. Райцентр всё-таки, там всяко хоть какая-нибудь гостиница, но есть. Увязался я за этой... Женька заскрежетал зубами, вспомнив того «исколотого» здоровяка. Было неприятно осознавать, что именно присутствие этого жуткого типа, во многом, заставило Женьку покинуть автобус. Девушка тем временем надела сапоги.

– А вы в Петряевку к кому? Не к Горским? У них дочь, кажется, в Москве замуж собралась. Вы случайно не Иркин жених?.. или муж?..

Вот дура таёжная. Прицепилась. Женька с трудом сдерживал гнев.

– Не знаю я никаких Горских и уж тем более не собираюсь жениться на местных девицах. Я здесь вообще случайно. Я здесь по работе, хотя... Да какое вам дело?

Девушка хитро прищурилась:

– А чего вы так волнуетесь? Нервный какой.

Она встала. Женька уселся на лавку, положил на колени ноутбук, сверху поставил сумку и облокотился на неё.

– Хотите я вам клеёнку дам? – девушка достала белую клеёнку в красный горошек. – Купила вот, вместо скатерти. Не думайте, дождь ведь не скоро кончится.

Женька скривил лицо. Укрываться от дождя? Этим?

– А я под дождь и не собираюсь. Подожду, когда за мной приедут.

Девушка прыснула со смеху.

– Так вы думаете, что кто-то сюда подъедет? Отсюда до Петряевки только грунтовка. После такого дождя дорогу её наверняка размыло. Разве что на тракторе проедешь, да и то вряд ли. Так что тот, кого вы ждёте, если и явится, то наверняка пешком.

Женька чертыхнулся. Знал бы я... Ну, Свиридов, ну удружил.

– Значит, буду ждать следующий автобус. Поеду дальше, до вашего райцентра. А то и вообще, назад вернусь – на станцию. И чёрт с ним с этим заданием. Вернусь в Москву, а там будь, что будет.

Девушка поморщилась.

– Долго же вам ждать придётся, автобус здесь только один. А Василич обратно только к следующему поезду поедет, а это значит, что через три дня. Думаете, почему все тут терпят, когда он в кабине курит? На него как-то раз Анистья Платова, баба одна петряевская, наорала, так он потом ей это припомнил. Она в райцентр собралась, на остановке ждала, а Василич мимо проехал, и не остановился. Сделал вид, что не заметил. Последний раз предлагаю. Берите клеёнку и топайте за мной. Дождик вроде притих, до Петряевки семь километров всего. Пойдём. Кстати, меня Софьей зовут.

Девушка сунула Женьке клеёнчатую скатерть, накинула капюшон и двинулась к лесу.

Идти через лес, по незнакомой дороге, да ещё под дождём – что может быть хуже?

В самом начале пути, когда он, поскользнувшись, припал на колено и едва не выронил ноутбук, Софья подошла и протянула руку.

– Давай сюда. Вещь-то, поди, дорогая?

– Да уж, не дешёвая, – огрызнулся Женька. – Только не думай, что со мной нужно как с маленьким – сам понесу.

Софья пожала плечами.

– Как скажешь? Неси, если не боишься остаться без своего компа. Тебя же, вон погляди, ноги совсем не держат. Шлёпнешься в лужу и конец твоей игрушке.

Если он грохнется в лужу, то может испортить не только ноутбук, но и всю, лежавшую в сумке фотоаппаратуру. Если такое случится, Свиридов его убьёт. Женька нехотя протянул девушке сумку с ноутбуком.

– Ладно, бери и это... – он замаялся. – Спасибо тебе... спасибо, что помогаешь.

Девушка усмехнулась и сунула ноутбук под плащ.

За два с лишним часа они прошли лишь половину пути. Так, по крайней мере, уверяла Софья, которая теперь уже с трудом сдерживала себя.

– Ну как же так-то? Как же ты сюда... да в одних кроссовках? Ни зонта, ни плаща, ни обуви, а погёрся, понимаешь. А я, дура, пожалела...

Женька шагал молча, стараясь не останавливаться.

Лес казался мрачным и тёмным. Дорога петляла. Пихты и ели чередовались с кедровником, лишь изредка попадались дубки и осинки. Деревья переплетались кронами, тем самым немного спасали от дождя. От изнурительной ходьбы тело вспотело, но стояло лишь на мгнове-

ние остановиться, как утренняя прохлада продирается до костей. Кроссовки, хоть и не матерчатые, а сделанные из натуральной кожи, разбухли и стали похожи на огромные галоши. На каждую ногу налипло, по крайней мере, полкило мягкой и чавкающей грязи. Ноги скользили, поэтому приходилось всё время держать их в напряжении и балансировать, махая руками. Джинсы, сырые и грязные прилипали к телу, и Женька постоянно одёргивал их, морщился.

Он понимал, что без него Софья шагала бы в два, а то и в три раза, быстрее. Привычная к таким испытаниям, она двигалась уверенно, то и дело останавливалась, чтобы подождать своего неумелого попутчика. Женька чувствовал себя уязвлённым, но предложить Софье оставить его и идти одной, он не мог. Одна мысль о том, чтобы остаться одному посреди этого мрачного и труднопроходимого леса, приводила его в ужас.

Наконец дождь прекратился. Когда ветер разогнал тучи, и над кронами появилось зарево, Женька немного оживился. Он вытер ладонью лицо и посмотрел вверх. Яркие лучи хоть и не особо согрели, зато настроение немного улучшилось. Лес тут же наполнился птичьими трелями. Ветер усилился, и прилипшая к ногам грязь очень быстро высохла. Женька остановился и, постучав одну ногу о другую, стряхнул на землю огромные комья. Софья тем временем снова ушла вперёд. Женька собрал в себе последние силы и ускорил шаг. Пробежав метров пятьдесят, он нагнал Софью и стянул с её плеча сумку с ноутбуком.

– Сам понесу.

– Тогда давай сюда клеёнку. Ты в ней похож на огромный мухомор.

Девушка рассмеялась, откинула капюшон, её волосы рассыпались по плечам.

Да нет же. Совсем не в его вкусе девочка. Женька стиснул зубы. Скажи ему нечто подобное любая из его бывших подружек, он бы, наверняка, нашёл, что ответить, а тут...

А тут они вышли к реке.

Широкая, мощная – она уверенно несла свои тихие воды куда-то вдаль, плавно исчезая за горизонтом. Над серовато-синей гладью с криками носились чайки. Их крики тонули в мягком рокоте прибоя. Птицы то устремлялись ввысь, то стремительно падали, хлопали крыльями у самой воды и вновь взмывали, сжимая в клювах серебристую рыбёшку. Небо с каждым мгновение становилось чище и светлее, заметно посветлевшие тучки над водой походили на гигантский зефир.

– Теперь легче будет. Тут дорога набитая, вдоль речки пойдём, – Софья ускорила шаг.

– Как на море, – Женька с трудом поспевал за попутчицей.

– Не знаю – не была. Поверь, это не море.

– Река? Что за река?

– Это Самородка.

– Какая большая. Не слышал о такой.

– В царские времена тут золото мыли. Тогда-то деревенька наша тут и появилась. Потом прииск опустел, а люди остались. Леса здесь богатые. Зверя много. До Петряевки пара вёрст всего и осталось. По ней наши в Урден и добираются: летом – на моторках, зимой – на санках, да на снегоходах.

– Просто благодать. Всё продумано до мелочей, – усмехнулся Женька.

Софья покачала головой.

– Чего ж ты сюда приехал, раз всё тебе не нравится? Сидел бы в своей Москве, да в мони-тор пялился. Эх, – она махнула рукой, – здесь же красота. Свобода. Простор.

– Угу, тепло и мухи не кусают, – Женька прихлопнул сидящего на шее комара. – Если бы не Григорич, начальник мой, ни за что бы сюда не поехал.

Некоторое время шли молча, наконец Женька не выдержал:

– Слушай. А приятель-то твой... Тот, что в райцентр ехал... в автобусе. Он тебе каким боком? В наколках весь – сиделый что ли? Ты не похожа на тех, кто с блатными якшается.

Девушка рассмеялась:

– Напугал тебя дядя Егор? Забыть его не можешь.

– Ну, знаешь...

– Не обижайся. Я ведь понимаю. Он и впрямь с виду такой страшный, а на деле... Я и сама, когда его впервые увидела, напугалась. Мне, правда, тогда девять лет было...

Женька поморщился.

– Я ведь тут один, не знаю никого, а тут этот...

– У дяди Егора и впрямь три ходки, но там ничего серьёзного. Мелкие кражи и драки. Горячий он, но справедливый. В первый раз по малолетке сел, не с той компанией связался. А потом пошло, поехало.

– Татушки у него воровские.

– Так я и говорю: был он этим, как его, – авторитетом на зоне. Только потом с прошлым своим завязал. Поначалу в религию ударился, а потом приехал сюда. Он сейчас в райцентре на грузовике работает, благодарности имеет, грамоты всякие, а до этого в тайге промышлял. Тогда-то они с моим отцом и сдружились. У дяди Егора семьи своей нет, поэтому меня он иногда дочкой зовёт, а отца братишкой. Отец дяде Егору жизнь спас.

– Ясно всё с этим твоим Егором. А ты сама, значит, местная, а в Москве как оказалась? Учишься?

– На ветеринара. Последний курс. А сейчас к отцу еду.

– Навестить?

Софья поджала губы и выдала:

– Не совсем. Здесь в Петряевке ни интернета, ни сотовой связи нет. Поэтому отец раз в две недели в Урден ездит – специально чтобы мне весточку подать. А тут пропал. Я знакомым в район звонила, так они узнавали. Пропал, говорят.

– Ты же говорила, что охотник он. Может в тайгу ушёл, за зверем?

– Не мог он уйти, зная, что я его звонка жду. Не такой он человек. Да и в тайгу он уже не ходит. Три года назад в расщелину он свалился. Колено раздробил. Теперь – инвалид, без костыля своего теперь никуда, а с костылём много по лесу не находишься. Так что пропал отец, определённо пропал. Вот и еду его искать. Для этого все дела бросила.

Женька насторожился.

– Если он охотой больше не занимается, чем же он теперь живёт? В смысле, чем деньги зарабатывает?

– Чучела делает. Чучела зверей. Продаёт их, тем и кормится. У нас тут для инвалидов работы особо не найти.

Женька присвистнул:

– Вот те на. А как фамилия папаши?

– Лучинин – фамилия. Лучинин Матвей Иванович. А ты почему спросил?

Женька встал, скинул сумку с плеча.

– А вот и деревня наша, – радостно объявила Софья.

Женька вытянул шею и вгляделся вдаль. Туман над водой рассеивался, вдали показались крыши, словно приклеенных к берегу, строений.

– Да что б ей пусто было, и деревне вашей и папаше твоему вместе с его чучелами, – фыркнул Женька, закинул сумку на плечо и, обогнав Софью, зашагал в направлении показавшихся домов.

Глава третья

в которой Женька знакомится с коллекцией Лучинина, а так же узнаёт, что чучелом может стать не только охотничий трофей

В деревню вошли – тихо, как на кладбище. Утро раннее – все спят. Но тишиной наслаждались недолго. Дворовые псы, словно ожив, громыхнули цепями, залаяли, один другого злее, в некоторых окнах показались заспанные лица. Когда миновали третью по счёту избу, за забором закукарекал петух. Второй поддержал его, потом третий, четвёртый... Две псины выскочили как из-под земли. Косматые, злые, вот-вот набросятся. Женька прикрылся сумкой, Софья прикрикнула. Одна собака, небольшая дворняга с торчащими ушами и острой мордой, притихла и завалила хвостом.

– Признал, – пояснила Софья. – Это Буяша – Дарьи Чеботарёвой пёс. А ведь больше года меня не видел.

– Зато этот не признал, – продолжая удерживать сумку перед собой, пролепетал Женька. – Того и гляди вцепится.

Второй пёс продолжал яростно лаять и кружить у самых ног Софьи. Крупный ухоженный гончак с гибким и сильным телом.

– Этот может. Ты виду не показывай, что испугался, а то точно вцепится. Это Корел – Рыковский пёс. Они сами нас не очень-то любят, вот и собаку свою науськали. Он и на меня, и на отца всю жизнь лает, только куснуть остерегается. Знает, что это ему с рук не сойдёт. А вот тебя может хватануть...

– Тебя, похоже, здесь каждая собака знает, – Женка усмехнулся.

– Ну, конечно. Я же выросла здесь.

– А ты, значит, тоже всех собак изучила, даже с родословной. Непременно опишу это в твоей статье.

– Ну, тебя, – Софья зашагала быстрее, – и чего я тебе помогаю?

– Ладно-ладно, шучу, – Женька тоже ускорился, собаки вскоре отстали.

За десять минут они прошли половину деревни. Избы неброские, но добротные. То там, то тут техника: тут трактор, тут косилка, там старенький грузовик. Вдоль берега с дюжину катеров да лодок, небольшая пристань с мостком. Дорога вдоль реки выстелена щебнем. Все дворы с оградой, за заборами постройки с резными окнами, за ними огороды, за огородами лес. Громыхнула щеколда, на пороге ближайшего дома появилась женщина. Круглолицая, в руках ведро с какой-то бурдой. Увидела молодую пару, поставила ведро, подошла к забору.

– Сонька, ты что ль?

– Я, тётъ Вер, вот отца навещать приехала. Что-то не пишет долго, вот я и обеспокоилась.

– Так пропал он, батяня твой. Говорят, что в тайгу ушёл. Хотя не все верят. Куда ему с клюшкой-то егоной? Тут ведь у нас в последнее время такое твориться. По этому поводу даже участковый твой приезжал, всех расспрашивал.

Женька перевёл взгляд на Софью, лицо девушки побелело.

– Сашка? И чего же он выяснял?

– А всякое такое и выяснял. Ну, по поводу... А эт чё? Кто ж с тобой таков? Не иначе – жених, – женщина уставилась на Женьку.

Софья махнула рукой.

– Да какой там жених. Так – в автобусе познакомились. Он по своим делам приехал, просил дорогу показать. Ты мне про отца расскажи, куда подевался?

– По делам приехал, говоришь? А чё за дела?

– Журналист я. Из Москвы. Буду статью про вас писать, – встрял в разговор Женька. Женщина поправила платок, выпрямилась.

– Журналист? С самой Москвы?

– Вы сказали, что у вас тут такое твориться. Это вы про что?

– Я сказала? – женщина прижала к груди растопыренную ладонь. – Да ничё я вроде не говорила.

– Тётъ Вер, ты мне про отца скажи. Ты сказала в тайгу ушёл. Кто так говорит? И что Сашка Сомов спрашивал?

– Сомов? Спрашивал? А я почём знаю? Он ведь не меня расспрашивал, а этих... Чеботарёвых... Ой, чего это я? – женщина огляделась, увидела оставленное ведро, махнула рукой и засеменила в сторону сарая. – Некогда мне с тобой, Сонечка, болтать. Пора скотину кормить, а про батяню твоего я боле ничего не знаю.

– Тётъ Вер, да как же? – из уст Софьи вырвался глухой стон, она повернулась к Женьке. – Почему ж они все такие?.. Случилось что-то с отцом, а эти...

Круглолицая тётка уже скрылась в сарае и захлопнула за собой дверь. Софья бросила на стоявшую у забора лавку вещи и уселась, сложив руки на колени. Женька прищурился и подошёл ближе.

– А Сашка это кто?

Софья вздрогнула, насупилась и опустила взгляд.

– Сашка – это участковый. Сомов Александр Константинович.

– А почему он твой? Эта скрытная особа его твоим назвала.

– Никакой он не мой? – процедила Софья сквозь зубы. – Тебя это не касается. Ты вот лучше скажи, зачем ты в разговор влез? Кто тебя за язык тянул? Скоро вся округа узнает, что к нам в деревню московский писака заявился. А народ тут особый: здесь тайга, все суеверные, скрытные, чужаков тут не жалуют.

Женька пожал плечами.

– Вообще-то я не о них писать приехал, а о твоём отце. Он сам нашему главному согласие на интервью дал, и на просмотр экспонатов.

– Коллекцию я тебе и сама показать смогу. Могу рассказать про то, как чучела готовят. Без тонкостей, конечно. Тонкости тебе никто не расскажет. Настоящие мастера их в секрете держат. А общую картину описать...

– А снимки сделаем? – Женька похлопал рукой по сумке. – Аппаратура со мной.

– Сделаем. Чего ж не сделать? Только на постой я тебя не пушу. У нас условий нет, места маловато – одна комната всего. К тому же, тебя уж и так в мои женихи записали. Не хочу, чтобы слухи всякие пошли. У нас обычно все пришлые у Чеботарёвых останавливаются. У них дом большой, и комнаты специальные для постояльцев есть. За плату, конечно, но не дорого.

– Если не дорого, то можно. Мне ведь только до следующего автобуса переждать. Пощёлкаю ваших зверушек, три дня пережду и обратно. Не собираюсь у вас тут задерживаться.

– Ну и хорошо. Тогда пошли. Чаем уж тебя напою. Да дам просушиться, а там поглядим.

Софья встала и двинулась вдоль заборов. Засеменив следом, Женька оглянулся. Круглолицая тётка, приоткрыв дверь, похоже, наблюдала за ними из сарая.

Они прошли низину с колодцем и вышли к очередной ограде.

– Вот и пришли.

Софья привстала на носки, перекинула руку через забор, подняла щеколду и калитка открылась.

– Проходи, что ли.

Женька вошёл. Двор просторный, дорожки просыпаны песочком, поверх него плитка – дешёвая, старенькая, но за счёт неё – чистота. Срубовой домина с верандой и крышей из слегка потемневшего профнастила. Веранда резная, к ней ведут три ступеньки. Дерево не подгнив-

шее, крашеное. Рядом с домом сарай из саманного кирпича с соломенной крышей. За сараем подсобка для дров, справа у калитки собачья будка.

Софья подошла к будке, подняла с земли цепь с расстёгнутым ошейником на конце.

– Белки нет – это лайка наша. Вон и катера нашего на пристани нет. Может, конечно, и отдал кому, но это вряд ли. Значит отец, всё-таки, на охоту умотал, – Софья покачала головой. – Куда пошёл с его-то коленом?

Женька возразил:

– Не мог он на охоту уйти. Он меня встретить обещал. Такой был уговор.

– Может и собирался, да не успел. Пошёл в тайгу, думал вернётся, но что-то задержало.

Дожди вот пошли, поди размыло всё, он и решил переждать.

– До сегодняшнего дня дождей не было.

– Не дожди, так, может, что другое задержало. Перестань меня нервировать. Пошли в дом.

Они поднялись по ступенькам. Шагая за хозяйкой, Женька тщательно вытер ноги о половицу.

– Снимай свои кроссовки. В избе тапки наденешь.

Женька, не развязывая шнурков, скинул обувь и вошёл в дом, остановившись в прихожей. Софья скинула плащ, подошла к шкафу, достала оттуда старенькие брюки и свитер.

– На вот, переоденься, это отцовское. У вас примерно один размер. А своё на стул повесь. Печь растоплю, просушу. Заходи, располагайся.

Женька поморщился, но вещи взял. Переоделся, пока Софья на электрической плитке кипятила чайник и растапливала печь. Вскоре дрова запылали и комнаты стали наполняться приятным теплом.

– Вот, теперь грейся изнутри, – хозяйка подала гостю большую фарфоровую кружку. – Он полезный, с травами.

– Спасибо. А можно я тут поброжу?

– Валяй.

Крохотная спальня, закуток с простой деревенской печкой, заменявший кухню, две комнаты были оборудованы под мастерскую. Они были заставлены шкафами и столиками, увешаны полками, на которых – по мнению Женьки – размещался самый разнообразный хлам. Склянки с порошками и растворами, мешки с гипсом, оптиками, куски пенопласта и, конечно же, шкуры. Они висели на стенах, мокли в тазах и ванночках, ожидая своего перевоплощения. Хлам кругом, но всё на местах: баночка к баночке, коробка коробке. А этот Лучинин педант, рассуждал Женька, потягивая забористый чаёк. Софья тем временем стояла, прислонившись к стене, и смотрела куда-то в сторону. Чашка в её руках дымилась.

Женька взял в руки коробку со стеклянными шариками. Ба, да это же глаза, а там, что? Зубы? Нет, не зубы клыки. Женька взял со стола кабанью челюсть и повертел в руках. Софья улыбнулась.

– Это молодой поросёнок. У матёрого секача нижние клыки вдвое длиннее.

– Не хотел бы я с таким встретиться на узенькой дорожке.

– А тебе и не надо с ним встречаться. Тебе нужна коллекция. Так, пойдём.

Софья забрала у гостя пустую кружку и отперла очередную дверь ключом. Женька точно оказался в сказочной стране – мифическом райском уголке.

Помещение было просто забито экспонатами, но эффекта загромождённости вовсе не было. Каждое существо располагалось на своём месте. В комнате не было окон, но грамотно размещённая подсветка, которую, войдя, тут же включила Софья, делала комнату ещё загадочнее и интереснее. Свет, словно солнечные лучи, проникающие сквозь листву, открывал взору всю красоту застывших фигур. Головы оленей, фигуры волков и лис, увешанные тетеревами

и совами стены – чего здесь только не было. Женька тут же потянулся за фотоаппаратом. Вытащил из сумки камеру и хотел уже сделать несколько пробных снимков.

– Вот чёрт! Разряжено же всё. Где у вас тут розетки?

– Вон за тем оленем, – улыбнулась хозяйка и щёлкнула очередной тумблер на стене.

Комната тут же наполнилась шелестом листьев, щебетом птиц, где-то, словно вдали слышалось токование глухаря. Женька поставил приборы на зарядку и стал рассматривать оленью голову, висевшую на стене.

– Это изюбрь. Отец подарил мне его на моё четырнадцатилетие. Точнее не подарил – сделал. Мы долго его выслеживали, потом подобрались, и я убила его с сотни шагов.

– Ты? – Женька опешил. – Хочешь сказать, что убила его сама?

Софья пожала плечами.

– А что такого? Здесь почти четверть трофеев мои.

Женька подошёл к свернувшейся под камнем черной змее.

– Эту тоже ты добыла?

– Нет. Признаться, змей я немного побаиваюсь. Это болотная гадюка. Отец наступил ей на хвост. Толстую кирзу эта тварь прокусить не смогла. Отец не хотел её убивать, но эта стала бросаться. Пришлось убить. Так сказать – вынужденная оборона. Вообще-то её укусы не смертельны...

– Не смертелен? Я бы к такой на пушечный выстрел не подошёл.

Когда батарея фотовспышки зарядилась, Женька начал снимать. Когда он сделал не менее сотни снимков, Софья, отодвинув задёрнутую шторку, вошла в небольшую нишу.

– А здесь отец обычно оставляет последние работы... Что это? Нет!.. Да, нет же!.. Нет!..

Женька вздрогнул и чуть не выронил камеру. Софья, бледная как полотно, вышла из-за шторки. Плечи девушки повисли, в глазах застыл ужас. Она прошла к окну, открыла форточку, потом медленно опустилась на табурет.

– Там Белка. Как же такое могло... кто же её... почему?

Женька сдвинул брови:

– Белка? Что в этом такого? Я-то думал, ты там очередную змею увидела, причём живую.

– Говорю же тебе, там Белка.

Женька хмыкнул и сложил руки на груди.

– Я в этом доме уже двух белок видел и обоих уже заснял. А ещё видел куницу, выдру... не пойму, чего ты испугалась.

– Это не такая белка, а Белка – собака наша. Я-то думала, что отец с ней на охоту ушёл, а он...

Женька подошёл к нише и отодвинул шторку.

Белая грудь и передние лапы, чётные морда и спина. Животное сидело, выпрямив спину, и смотрело куда-то в сторону. Торчащие острые уши, высунутый язык, умные, немного грустные, глаза. В первое мгновение Женьке показалась, что она живая...

– Он из неё чучело сделал, – продолжала Софья, на щеках девушки выступили слёзы.

Женька подошёл к собаке, присел. Шкура в некоторых местах ещё не пристала к основе, от деревянной подставки пахло клеем. В нескольких местах вдоль швов из шкуры торчали иглы от медицинских шприцов.

– Её что, чем-то обкалывали?

Софья вытерла глаза и посмотрела на гостя строго:

– Это вместо булавок. Так шкуру крепят к основе, пока клей не просохнет. Знаешь что... думаю, на сегодня хватит экскурсий.

– В смысле?

– Мне нужно побыть одной. С отцом что-то случилось, я это чувствую. Я должна подумать – подумать, что предпринять. Помнишь место, где нас собаки облаяли?

– В самом начале деревни?

– Пойдёшь туда, там дом с красной крышей – он там один такой. Спросишь Чеботарёвых, скажешь, что от меня. Они тебя точно на постой пустят. А мне... мне нужно одной побыть. Зачем же он так с ней? Что-то тут всё-таки случилось.

– Уверена, что помощь не нужна? К тому же, я бы ещё снимал.

– Уходи, говорю!

Глаза Софьи гневно сверкнули. Женька пожал плечами, уложил камеру в сумку, подхватил ноутбук и вышел за порог.

Микитэ

В юрте пахнет барсучьим жиром, палёной кожей и спиртом. Свесив голову, Микитэ сидит на войлочном тюфяке и шевелит кончиком ножа уже успевшие угаснуть и покрыться золой угли. На нем шаманская парка – вышитый яркими нитями кафтан с длинной бахромой на рукавах, с подвесками и лентами из разноцветных тканей. Нагрудник, прикрывающий грудь и живот украшен мелкими монетками и бубенцами. Рядом возле очага валяется головной убор из скреплённых медными кольцами кожаных ремней. На макушке деревянная фигурка в виде птицы.

Перед Микитэ поверх углей, обложенных по кругу булыжниками, лежит изрезанный бубен. На его искромсанной основе просматриваются рисунки. В левом верхнем углу лучистый круг – солнце, полумесяц и одинокая звезда; в правом кружат разозлённые комары и мошкара – символы подземного мира. Низ тоже разделён надвое: слева – два зверя, один с рогами, другой без рогов – олени, самец и самка; справа – фигурки людей. У каждой фигурки своё значение, свой особый смысл.

Но разве теперь всё это важно? Ведь *айыы*³ опять не пришли. Казалось бы: он сделал всё, но они снова не услышали его. Микитэ молил духов Огня и Воды, Земли и Ветра, но и они снова не откликнулись на его призыв.

Угли, почувствовав пищу, начинают оживать, краснеют и искрятся. Вот первый розовый лепесток поднимается над полумесяцем, мягкая кожа начинает темнеть, кукожится. Вот уже другой лепесток коснулся оленей, пламя разрастается. Вот оно уже коснулось людей, а вот загорается и солнце. Запах горелой кожи усиливается, щиплет ноздри. Микитэ чихает, его глаза слезятся. Но так нужно.

Пусть всё горит синим пламенем (Микитэ научился этой поговорке от Ивана): мир тайги и мир людей, миры подземный и небесный – всё пусть горит. Путь в иные миры теперь для Микитэ закрыт.

В юрте темно, разгоревшееся пламя добавляет немного света. Микитэ наклоняется, шарит рукой. Вот она. Он подносит к лицу зелёную армейскую фляжку. Это подарок Ивана. Иван – большой человек, начальник производственного участка. Он постоянно приезжает в деревню на огромной лодке с двумя помощниками, скупает шкуры у местных охотников, привозит товары, в основном: продукты и спирт. Раньше Иван приходил к Микитэ и приносил большую канистру – подарок. Сейчас не приносит. Микитэ сам идёт к русским, покупает спирт за деньги.

Микитэ трясёт фляжку. Осталось совсем чуть-чуть, а Иван приедет только на следующей неделе. Придётся идти на поклон к Нюргустаю – соседу. У того всегда есть либо спирт, либо самогон; он запасливый, но жадный – может и не дать. Эх, попробовал бы он отказать раньше. Раньше все в округе уважали Микитэ, многие даже боялись. Сейчас не боятся. Есть даже такие, кто открыто презирает. Называют плохим словом: *арыгыхыт* – пьяница. Особенно часто его ругает Эрхаан – старейшина деревни, а вместе с ним и вся его семейка. Ух, *киннээх ыт*⁴! Микитэ вновь протягивает руку, снова шарит, находит фарфоровую чашку с отломленной ручкой. Микитэ сворачивает пробку с фляжки, наполняет чашку и жадно пьёт. Тело наполняется приятным теплом.

Микитэ не такой, как остальные. Те живут в деревянных срубных домах, в каких живут русские. Микитэ живёт в юрте на краю села, в этой же юрте жил и его дед Манчары, в таких же юртах жили и многие поколения их предков.

³ *Айыы* – божества, покровительствующие земным предкам якутов.

⁴ *Киннээх ыт* (якут.) – злобные псы.

Сегодня ночью Микитэ сделал ещё одну попытку. Он ушёл в лес, далеко-далеко, уходя, он следил, чтобы никто из жителей деревни за ним не проследил. Особенно этот мерзкий Эрхаан и его красавчик сынок по имени Тимир. Микитэ развёл большой костёр и начал обряд. Раз за разом он в бешеном танце огибал пылающий столб священного костра, бубенцы на его паркере издавали мелодичный звон, он бил в бубен так, что даже мёртвые восстали бы, заслышав эти звуки. Но духи – не мертвецы: разбудить ещё сложнее. Микитэ снова не смог до них докричаться. Он танцевал, бил в бубен, потом упал и долго лежал у костра, пока тот не догорел.

Микитэ вернулся в своё жилище под утро, много пил, курил трубку и снова пил. Сам не заметил, как потерял счёт времени и провалился в глубокий сон, а когда очнулся, выхватил нож, изрезал бубен и швырнул его в очаг. *Тухата суох мал*⁵ – зачем её хранить? Ох, Манчары, Манчары, как же ты ошибался.

От одного только воспоминания о знаменитом деде на глазах Микитэ выступают слёзы. Старый шаман так верил в него, а Миките не справился... подвёл.

Когда Микитэ исполнилось двенадцать, Манчары пришёл в их дом. До этого, он не приходил ни разу.

Тогда они жили впятером: отец, мать, двое старших братьев – Эрчим и Уруй и младшая сестрёнка Кэрэченэ. Они жили в просторном доме с белой русской печкой, в их доме было электричество, радиоприёмник и даже музыкальный проигрыватель. На полках, в шкафу, было много разных книжек. В коробке из-под музыкального проигрывателя хранились игрушки.

Зайдя в дом, Манчары что-то буркнул, уселся на коврик в углу, долго сидел и курил трубку под неодобрительные взгляды матери. Отец стоял бледный и нервно теребил пуговицу на синей фланелевой рубашке. Дед сидел на коврике как сыч. Он лишь распахнул свой тёплый стёганный кафтан, а меховую шапку даже не потрудился снять. Микитэ тогда ещё подумал: он что же, совсем не потеет? В печке полыхал огонь, в доме было жарко и светло.

Выкурив трубку, дед встал и подошёл к столу. Отец тут же подбежал, помог снять верхнюю одежду, подвинул стул. Манчары сел. Отец махнул рукой. Мать поставила на стол тарелку с солониной, хлеб, варёное мясо и квашеную капусту. Она явно нервничала, и Микитэ никак не мог понять, почему.

В печке доваривалась картошка.

Отец сбегал в чулан и принёс фляжку со спиртом. Манчары одобрительно кивнул. Налив в стакан, отрезал кусок хлеба и, положив на него кусочек мяса, протянул всё это отцу. Тот, не задавая вопросов, всё взял, подошёл к печи и бросил еду на угли. Потом вылил туда же спирт. Пламя полыхнуло. Рот Манчары растянулся в улыбке: «Хороший знак. Духи приняли дар. Теперь можем и мы поесть». Отец махнул рукой. Все уселись за столом, долго ели. Мать при этом постоянно хмурила брови, её руки подрагивали.

– Ты красивая девочка. Сколько тебе лет? – обратился Манчары к Кэрэченэ.

– Семь, – ответила та и испуганно посмотрела на мать.

Та вздрогнула, отвернулась и, как-то криво улыбнувшись, встала и отправилась к печи. Вынув оттуда котелок с картошкой, мать поставила его на середину стола, сняла крышку и ложкой стала раскладывать картофелины по тарелкам.

Манчары снова обратился к девочке:

– А ты любишь играть в игрушки?

Кэрэченэ снова посмотрела на мать. Та энергично раскидывала картофелины по тарелкам.

⁵ Тухата суох мал (якут.) – бесполезная вещь.

– Люблю, – ответила Кэрэченэ робко.

– Хорошо, – старик кивнул головой. – А какая твоя любимая?

Кэрэченэ посмотрела на отца, увидев, что тот, отвёл взгляд, посмотрела на мать. Та глядела холодно и твёрдо. Её веки лишь на мгновение опустились, и Кэрэченэ тут же соскользнула со стульчика и бросилась в соседнюю комнату. Вскоре она вернулась с лохматой краснощёкой игрушкой в розовом платице и с бантами на кучерявой голове.

– Эта любимая, – заявила девочка твёрдо.

– Хорошо, – ответил старик, его щёки втянулись, и он бегло посмотрел на Эрчима.

Старший брат Микитэ слыл задирой и хитрецом. Эрчим уже съел свой кусок мяса, размял картофелины вилкой и совал в рот куски пюре, каждый раз дую на них.

– Я тоже должен принести игрушку? – сглатывая, произнёс Эрчим. – Есть у меня такая. Могу показать.

– Не нужно. Я и сам знаю, что ты любишь, – ответил Манчары, не глядя на внука.

– Знаешь? Ну и какая же из них моя?

– Ты любишь играть в солдатиков. У вас их целый набор. Они сделаны из олова. У них каски и ружья.

Эрчим чуть не подавился картофельной массой.

– У них нет ружей – у них винтовки. Откуда ты это знаешь?

– Оттуда? – Манчары ткнул пальцем в потолок. – А ты, – Манчары обратился к Урую, – любишь машинки и заводной паровозик с вагонами. Ты всегда собираешь пластмассовые рельсы и пускаешь по ним свой состав. То есть пускал раньше. Когда у твоей игрушки работали батарейки. Сейчас они не работают. Поэтому ты просто катаешь своё паровозик рукой. Это ведь твоя любимая игрушка?

Если бы Уруй расплакался, Микитэ бы его понял. Мальчик сидел бледный, и вилка в его руке царапала днище тарелки.

– Ещё я люблю играть в большой грузовик. Он с открывающимися дверями и с откидным прицепом.

Манчары хохотнул:

– Да знаю я, знаю. Кабина у грузовика бежевая, а заднее правое колесо, отломилось и отец приклеил его суперклеем.

Манчары достал из кармана трубку и, набив в неё табака, закурил. Мать, встала и ушла в соседнюю комнату. Когда, спустя минут десять, она вернулась, Манчары рассказывал детям смешную историю про то, как волчица просила доброго духа леса женить её на барсуке. Только отец не смеялся. Он был бледен и курил беломорину. Мать, увидев, что отец курит в доме, не стала ругаться, а просто, молча, уселась на стул.

Возможно, история про барсука и была интересной, но Микитэ не особо прислушивался. Наконец он не выдержал:

– Дедушка, а почему ты не спрашиваешь о моих игрушках? Тебе не интересно узнать, во что играю я?

– Мохнатый зверь с острой мордой и длинным пушистым хвостом. У него горбатая спина и огромные лапы. Каждый раз засыпая, ты берёшь его и обнимаешь левой рукой. Ты всё делаешь левой, в этом тоже твоя особенность. А ещё ты любишь убежать в лес и смотреть на звёзды. Ты мало общаешься с другими детьми, потому что они тебя не понимают.

– Они иногда бьют меня за то, что я не люблю играть в их игрушки, – перебил Микитэ и стиснул до боли маленькие кулачки.

– Ты особенный, поэтому другие тебя и не понимают. Только теперь они больше не станут тебя обижать. Потому что ты идёшь со мной.

Мать вскрикнула и тут же прикрыла ладонью рот. Потом обхватила Микитэ и крепко-накрепко прижала к груди. Отец подошёл, вырвал ребёнка и, взяв жену под руку, увёл её в дру-

кую комнату. Там они пробыли почти час. Микитэ всё это время испуганно глядел то на дымящего трубкой деда (тот всё время улыбался), то на старших братьев, на лицах которых тоже застыл испуг. Когда родители вернулись, глаза матери были красными от слёз. Потом мать одела сына, дала в руки мешок с одеждой мальчика и они с дедом покинули родительский дом.

Потом были длинные беседы о сотворении мира. Походы в тайгу и общение с лесом, рекой и звёздами. Манчары учил внука читать следы, находить лечебные корни и травы, лечить с их помощью разные болезни. Спустя год, после ухода из родительского дома, Манчары подарил внуку его первый бубен. Так начался его путь – путь шамана.

Закончился этот путь совсем недавно. Когда Микитэ перестал общаться с духами. Он утратил свою силу и стал обычным пьяницей.

Полог юрты откидывается и внутрь кто-то входит. Микитэ поднимает голову и морщится. Вошедший молод, высок и красив: горящие глаза, широкие скулы. Мужчина хмурит брови. На нём светлый тулуп и высокая шапка из меха выдры. Это же ненавистный Тимир – сын Эрхаана. Микитэ говорит, крича:

– А... Это ты! Явился посмотреть на мои страдания. Ты лжец и самозванец. У тебя не может быть силы. Ты не избранник великих *айыы*. Ты не страдал, постигая учение. Ты не способен узреть то, что творится за гранью доступного. И не смотри на меня так!

Высокий красавчик разводит руки в стороны.

– Как я не должен на тебя смотреть?

– Так, будто поймал меня за кражей дичи из твоего капкана.

Брови Тимира выгибаются дугой, нижняя челюсть выдвигается вперёд.

– Ты не воровал моей дичи, но ты украл гораздо большее. Ты украл веру у наших людей. Поэтому ты должен уйти, – молодой человек поднимает голову, тянет носом воздух. – Здесь дурно пахнет. Пахнет спиртным. Ты утопил свой дар в водке. Тебе больше не быть великим, а я... Я займу твоё место, чтоб у наших людей осталась связь с другими мирами. Связь с Солнцем, Звёздами и Подземным миром. Ты не веришь в мой дар, но ты ошибаешься. Я способен пройти через страдания и получить умение. Я это смогу, смогу для блага моего народа. Когда я постигну искусство, обещаю, что не забуду и о тебе. Я буду являться к тебе во снах, но это будет потом, а сегодня... Сегодня соберётся большой совет. Тебя изгонят из деревни. Таким как ты здесь не место. Я пришёл сюда, чтобы сказать тебе это, так что будь готов.

Молодой человек поворачивается, Микитэ отбрасывает опустевшую чашку, хватается за нож, который перед этим спрятал под тюфяком и бросается вслед незваному гостю.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ Страсти по Зверю

Глава первая *в которой Женька продолжает знакомится с местными обитателями*

Петряевка ожила – петухи притихли и важно расхаживали в окружении разномастных куриц-несушек и нахохленных цыплят; собаки больше не выказывали агрессии, лежали на влажной земле, лениво позёвывали. Идущие навстречу люди смотрели на шагающего по избитой колёсами дороге чужака: кто хмуро, кто с явным интересом. Это были, как правило, немолодые мужчины в кожаных куртках и стёганках, в кепках и в старомодных шляпах, в резиновых или кирзовых сапогах. Женщины попадались реже, за время всего пути Женька встретил лишь одну худосочную бабу в строгом платке и цветастой юбке, прошёл мимо нескольких бабулек, сидящих на лавке у забора. Двое пацанов, лет по двенадцать каждому, пронеслись мимо на мотоцикле, окатив незнакомца грязью из лужи. Женька чертыхнулся, а потом вспомнив, что на нём одолженные Софьей старые брюки и свитер, в отчаянии махнул рукой. Проходя мимо каменного строения с покосившейся и требовавшей покраски вывеской «Супер-Сельпо», железными дверями и зарешёченными ставнями, Женька, сдерживая улыбку, остановился. Только сейчас он понял, что проголодался.

Войдя в магазин, Женька огляделся. Молоденькая продавщица в синем халате и шлёпанцах, при появлении покупателя даже не повернула головы. Она стояла, сложив руки на груди, и смотрела в зарешёченное окно. Прилавки наполовину пустовали, но водка и пиво были в изобилии. Женька пригляделся. Сахар, крупы и конфеты с печеньем он оставил без внимания, остановив свой выбор на хлебе и сырах.

– А плавленые сырки у вас свежие? – небрежно бросил Женька и прошёл к полке с колбасами.

– Хлеб позавчерашний, остальное как минимум недельной давности, как будто сами не знаете, когда к нам автолавка приезжает, – продавщица повернула голову. – А, это вы?

Девушка нехотя подошла к прилавку, Женька опешил.

– Я – это я. Только не совсем понял, что значит «это вы», мы ведь с вами не знакомы.

Девушка усмехнулась и махнула рукой:

– Вы – это тот самый журналист из Москвы, про которого с утра все судачат. Сегодня было шесть посетителей, и пятеро из них поведали мне о вас.

– Из всех местных, мне сегодня довелось пообщаться лишь с какой-то тётей Верой. Больше не говорил ни с кем. Да и эта дама мне показалась не особенно общительной.

– Это Верка-то? Да ладно вам. Верка говорунья ещё та – начнёт что рассказывать, не останавливать. Она уже всей деревне растрезвонила, что Сонька Лучинина журналиста из Москвы привезла, и что вы будите о нашем чудище статью писать. Здесь же глушь, скукота, поэтому любая новость птицей разлетается. Вот, смотрите сами.

Девушка достала из холодильной витрины несколько плавленых сырков. Женька взял один, повертел в руках. Срок годности подходил к концу.

– Что же, пожалуй, парочку возьму. Дайте ещё какую-нибудь булку и нежирный кефир. А я не знал что Матвей Лучинин такой страшный.

– Лучинин? Причём здесь Лучинин?

– Притом, что вы его чудищем называете, – пояснил Женька.

Девушка подала товар, взяла деньги и долго отсчитывала сдачу. Женька смотрел на молодую продавщицу с интересом. Тёмные волосы, собранные в хвост, открытый лоб и остренький, идеально ровный носик. Девушка была высока, но не настолько, чтобы это могло отпугнуть большинство мужчин, спортивная фигура – именно такие всегда нравились Женьке. Лёгкий макияж, изящная кофточка. Интересно, как в таких условиях она умудряется делать маникюр? Совсем неплохо смотрится, хоть и выглядит измученной. Оно и не мудрено в этой глуши молодым наверно несладко.

– Лучинина – чудищем? – продавщица сморщила свой хорошенький носик. – Не называла я его чудищем. И совсем он не страшный. Я бы даже сказала, что он вполне интересный для своих лет мужчина, хоть и калека. Так вы про него писать собрались?

– Именно такое у меня задание – про Лучинина и про его коллекцию.

Девушка покачала головой.

– Так вас тоже его чучела интересуют?

– Тоже? Значит, до меня они интересовали кого-то ещё?

В Женьке тут же проснулся профессионал. Интересно, удастся ли разговорить эту сонную красавицу? Девушка снова подошла к окну и принялась кого-то высматривать.

– Его чучела многих интересуют. К нам ведь сюда люди зачем едут? А в нашей глуши лишь два развлечения – охота да рыбалка. И нечего на меня так смотреть. Говорю же, что только два. – Женька рассмеялся, девушка нахмурилась. – Это с одной стороны неплохо – здесь ведь скукота неимоверная, а с другой... У нас ведь знаете какие охотничьи угодья, а рыба у нас какая? Вот и приезжают в основном такие, кому и рыбку съесть и... на мотоцикле покататься. Такие кому не настоящая охота нужна, а забава. Или же трофеи, чтобы было чем перед друзьями пощеголять. В наши места съездить – удовольствие не из дешёвых, поэтому в основном богатенькие всякие едут. Им бы завалить кого – покрупнее да поклыкастее – позёры городские, – девушка стиснула губы и прошептала в сторону, – а кто-то тому и рад.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.